

В. Розанов

**Место христианства в
истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В. Розанов**
Место христианства в истории / В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2018. –
48 с.

ISBN 978-5-458-16630-0

ISBN 978-5-458-16630-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

есть въ ней особеннаго и частнаго. Обращенное на то же внѣшнее, чувство создало искусство, какъ стремленіе воспроизвести это внѣшнее. Уже Аристотель, который первый опредѣлилъ своимъ рефлектирующимъ умомъ то, что безъ опредѣленій, безсознательно и невольно создавалъ человѣкъ раньше, назвалъ искусство „*подражаніемъ*“, и въ этомъ опредѣленіи, уже безсознательно для себя самого, онъ отмѣтилъ ту коренную черту арійской души, о которой мы говоримъ теперь. Подражать можно лишь тому, что любишь, чѣмъ заинтересованъ; воспроизводить же непріятное или чуждое никто не станетъ, потому что самый процессъ такого воспроизведенія не можетъ доставить никакого удовольствія. И то, что искусства у арійцевъ достигли такого высокаго совершенства, что одно и то же они стремились воспроизвести и въ линіяхъ картины, и въ контурахъ статуи, и въ словахъ поэмы—это свидѣтельствуетъ о томъ жизнерадостномъ чувствѣ, о томъ любовномъ вниманіи къ физической природѣ и вообще ко всему окружающему, которое всегда было имъ присуще. Наконецъ воля, направленная на внѣшнее, должна была выразиться въ стремленіи подчинить себѣ это внѣшнее или, по крайней мѣрѣ, регулировать его отношеніе къ себѣ, и здѣсь лежитъ объясненіе третьей особенности въ исторіи арійцевъ, именно той, что повсюду, гдѣ они ни появлялись, они создавали государства и устанавливали права. Государство есть то, въ чемъ

выражается отношеніе одного народа къ другимъ, для него внѣшнимъ народамъ, въ чемъ онъ опредѣляетъ себя и отдѣляетъ отъ другихъ; право есть то, что опредѣляетъ отношеніе одного лица къ другимъ, для него чуждымъ людямъ. И то, и другое обращено къ внѣшнему, одинаково носить объективный характеръ. Отсюда же, изъ этого направленія воли къ внѣшнему, вытекаетъ и стремленіе, путемъ науки, подчинить себѣ окружающую природу, -- и великій антагонистъ Аристотеля, Бэконъ Веруламскій, указавъ на это подчиненіе, какъ на цѣль натуральной философіи, выразилъ въ этомъ указаніи ту же черту арійскаго характера, которую въ своемъ опредѣленіи искусства выразилъ греческій философъ. Мы не можемъ, по недостатку времени, 'останавливаться на болѣе тонкихъ чертахъ исторіи, и отмѣчаемъ только эти грубые, общепризнанные факты ея. Наука, искусство, государство— это три главные продукта арійскаго творчества, въ нихъ именно достигли они величія и въ послѣдовательномъ, медленномъ созиданіи ихъ проходила исторія этихъ народовъ. И какъ слѣдствіе къ своей причинѣ, они должны быть отнесены къ объективному складу трехъ главныхъ способностей души арійцевъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію душевнаго склада семитическихъ народовъ въ связи съ ихъ исторіей. То, что составляетъ отрицаніе арійскаго характера, что совершенно противоположно ему по направленію, есть

субъективность, и она именно составляет отличительную черту психического склада названных народовъ. Они никогда не смотрѣли съ интересомъ на окружающій міръ и у нихъ никогда не возникала наука. То высокое понятіе, которое сложилось о наукѣ арабовъ въ средніе вѣка и долгое время держалось въ новые, при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ оказалось ложнымъ. Изученіе медицины началось у нихъ лишь съ того времени, какъ халифъ Альмансунъ призвалъ къ своему двору, въ Багдадъ, греческихъ (изъ Сиріи) врачей; подъ вліяніемъ этихъ врачей и, конечно, руководимые практическою потребностью, они стали сами изучать медицину, но и тогда не пошли далѣе переводовъ и комментированія Гиппократъ и Галена. То, что они сдѣлали въ астрономіи, ограничивалось изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ инструментовъ и болѣе точными и обильными, нежели какія были у грековъ, наблюденіями; но и здѣсь они трудились на почвѣ, уже воздѣланной ранѣе, и не оплодотворили ее никакою новою мыслью. Имъ долгое время приписывалось изобрѣтеніе алгебры, но теперь извѣстно, что начатки этой науки существовали уже ранѣе, у арійскихъ индусовъ; рѣшеніе уравненій, прогрессіи, даже суммирование рядовъ—все то, что мы называемъ элементарною алгеброй—было извѣстно на берегахъ Ганга ранѣе, чѣмъ арабы начали прилагать свои силы къ этой наукѣ и дали ей то названіе, которое мы употребляемъ теперь. Наконецъ, въ философіи, въ которой

они также славились долгое время, они не пошли далѣе усвоенія и истолкованія Аристотеля и отчасти Платона. Альфъ-Араби, „второй метафизикъ“, какъ называли его современники, говорилъ о себѣ съ гордостью, что онъ сорокъ разъ прочиталъ „Физику“ Аристотеля и двѣсти разъ — его „Реторику“. Аверроэсъ, о которомъ съ такимъ уваженіемъ вспоминаетъ Дантъ въ „Божественной комедіи“, носилъ въ средніе вѣка прозваніе „великаго комментатора“. „Аристотель объяснилъ природу, а Аверроэсъ объяснилъ Аристотеля“, говорили о немъ съ гордостью арабы. И во всемъ этомъ, чѣмъ гордились арабскіе ученые и за что прославляли ихъ другіе народы, видно одно: это—отсутствіе инициативы, недостатокъ творческаго начинанія во всемъ. Если отъ арабовъ мы перейдемъ къ евреямъ, то въ древности не найдемъ у нихъ никакой мысли о научномъ знаніи, а въ новое время хотя иногда они и обнаруживали высокія способности къ наукѣ, но замѣчательно, что и здѣсь, никогда не являясь инициаторами, творцами новыхъ идей, они только придавали европейской наукѣ характеръ крайней абстрактности, отвлекали ее отъ всего единичнаго и частнаго. Таково было вліяніе въ XVII в. Спинозы на философію, и Давида Рикардо въ текущемъ столѣтіи—на политическую экономію. Въ этомъ абстрактномъ мышленіи, въ этомъ отвращеніи отъ наблюденія и опыта сказалась та черта субъективности, то направленіе душевнаго созерцанія внутрь, а не къ

внѣшнему, которое обнаруживается у нихъ и во всемъ другомъ. Они никогда не знали свѣтлаго міра искусствъ и имъ не знакомо было то чувство, съ которымъ художникъ-грекъ воспроизводилъ природу въ статуѣ или въ картинѣ и любовался своимъ созданиємъ. Изъ всѣхъ искусствъ только два, музыка и лирика, уже съ самаго ранняго времени процвѣтали у нихъ. Но это есть именно тѣ виды искусства, въ которыхъ ничего не воспроизводится, и только выражается; они исключительно субъективны и къ нимъ совершенно не идутъ слова Аристотеля, что „искусство есть подражаніе“. Если бы какой-нибудь семитъ, а не грекъ опредѣлялъ искусство, онъ вѣрно сказалъ бы: „искусство есть выраженіе внутренняго міра человѣческой души“; до такой степени чуждо семитамъ то, что такъ знакомо и близко арійцамъ, и арійцамъ не знакомо то, что такъ родственно семитамъ. У семитовъ даже не зарождалось никогда живописи и скульптуры, этихъ искусствъ, грубые начатки которыхъ въ Европѣ находятся уже въ памятникахъ доисторическаго быта: находя кости животныхъ, уже теперь вымершихъ, на нихъ находили нацарапанными фигуры звѣрей и изображенія охоты. Въ области архитектуры даже храмъ Соломоновъ былъ сооруженъ у евреевъ не ими самими, но пришлыми, чужими *) художниками. Это

*) Принадлежность финикіянь къ семитамъ, утверждаемая одними учеными, отрицается другими. Но если даже и согласиться, что они были семиты, то все же характерно, что изъ

совершенное безсиліе семитовъ къ образнымъ искусствамъ можно прослѣдить у нихъ и въ томъ, что есть образнаго, воспроизводящаго и въ сферѣ поэтическаго слова. Эпоса, въ которомъ, какъ въ морѣ небеса, отражается весь сложный міръ человѣческой жизни, который мы находимъ въ „Магабаратъ“ и „Рамаянъ“ индусовъ, въ рапсодіяхъ Гомера, въ „Эддѣ“ скандинавовъ, въ нашихъ былинахъ этого эпоса никогда не знали семиты. У нихъ нѣтъ никакихъ преданій, нѣтъ мифологіи, нѣтъ другихъ воспоминаній, кромѣ священныхъ и историческихъ — черта, поражающая насъ своею странностью: какъ будто народы эти никогда не знали ни дѣтства, ни героической юности, но всегда были такими, какими мы ихъ знаемъ теперь—вѣчно возмужалыми, не растущими и не старѣющими. Наконецъ, если отъ науки и искусства мы обратимся къ политической жизни, мы и здѣсь найдемъ у семитовъ обнаруженіе той же субъективности. Какъ, вслѣдствіе субъективнаго склада своей души, они оставались холодными къ красотѣ природы, не любовались ею и не любили ее, такъ и по той же причинѣ они всегда были безучастны и къ окружающимъ людямъ. Они селились среди другихъ народовъ и охотно отдавали имъ требуемое, лишь бы не принимать на себя обязанностей управленія и орга-

двухъ семитическихъ народовъ одинъ, желая построить храмъ, обращается за помощью къ другому, у котораго вслѣдствіе близости моря, развитія торговли и опытности въ судостроеніи, явилась и нѣкоторая умѣлость въ сооруженіи большихъ зданій.

низации. То, что принято въ исторіи называть ихъ государствами—Тиръ и Сидонъ, Карѳагенъ и Іудея—все это было скорѣе или группою торговыхъ факторій, или рядомъ селеній какого-нибудь племени. Вотъ характерныя слова, которыми описывается въ Библии то, что мы такъ неправильно, перенося свои арійскія понятія на чуждыя племена, называемъ государствомъ: „и пришли тѣ пять мужей въ городъ Лаисъ и увидали народъ, который въ немъ, что онъ живетъ покойно, *по обычаю сидонянъ, тихъ и безпеченъ, и что не было въ землю той, кто обижалъ бы въ чемъ или имѣлъ бы власть*“ *). Это странный народъ, безъ организации и безъ власти, т.-е. такой, какого намъ трудно представить себѣ, какого мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ арійской исторіи. Все участіе семитическихъ народовъ въ политическихъ движеніяхъ исторіи можно отнести, какъ къ своимъ причинамъ, къ политическимъ движеніямъ окружавшихъ ихъ арійскихъ народовъ.

II.

Мы очертили характеръ арійцевъ и семитовъ, каковыми ихъ знаетъ исторія, въ отношеніи умственномъ, художественномъ и политическомъ, и не коснулись одной только

*) Книга Судей, XVIII.

стороны ихъ жизни—религіозной. Теперь на ней именно мы должны сосредоточить свое вниманіе.

Первый вопросъ, который естественно возникаетъ здѣсь, состоитъ въ томъ, почему изъ всѣхъ народовъ земныхъ однимъ только семитамъ, и именно евреямъ, дано было Откровеніе? почему другіе народы были лишены его?

Если мы задумаемся глубже въ ту особенность, которую отмѣтили выше въ душевномъ складѣ семитовъ, мы, быть можетъ, приблизимся къ разрѣшенію этого важнаго и интереснаго вопроса. Не желая выходить изъ предѣловъ исторіи, мы не будемъ здѣсь вдаваться въ доказательства, но скажемъ только, что есть самыя серьезныя и самыя точныя основанія *) думать и утверждать, что духъ человѣческій не есть ни произведеніе органической природы, ни что-либо одиночно стоящее во всемъ мірозданіи. Не только съ религіозной, но и съ научной точки зрѣнія самымъ правильнымъ будетъ признать, что въ насъ живетъ „дыханіе“ Творца нашей природы и этимъ дыханіемъ живемъ мы, что оно есть источникъ всего лучшаго, что чувствуемъ мы въ себѣ, и что его затемненіе есть причина всего темнаго,

*) Эти основанія изложены нами въ книгѣ: „О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія“. Москва, 1886 г., въ главахъ XIII стр. 417—443, въ XIV, стр. 474—483 (по отношенію къ возникновенію и развитію религіозныхъ идей) и въ XV, стр. 541—547 (по отношенію къ содержанию религіи).

что мы знаемъ въ исторіи и находимъ въ жизни. Теперь, если съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ на арійцевъ и семитовъ, мы поймемъ, почему не первые, а вторые были предъизбраны для Откровенія. По самому складу своей души, арійцы были вѣчно обращены къ внѣшнему, къ физической природѣ: и то все, что мы называемъ красотою ихъ жизни и исторіи—наука, искусство, государство—все это красота только для насъ, въ дѣйствительности же, съ высшей точки зрѣнія на природу человѣческой души, это есть ея искаженіе и обезображеніе. Окружающій міръ какъ въ зеркалѣ своемъ отражался въ этой обращенной къ нему душѣ, сверкалъ въ ней мириадами чудныхъ созданій, но если мы припомнимъ, что то, въ чемъ онъ отражался, есть дыханіе и образъ самого Божества, мы безъ труда поймемъ, что эти отраженія были недостойны его, что они затемняли его и оскверняли собою. И здѣсь лежить разгадка всего. Духъ семитовъ, который всегда былъ обращенъ внутрь себя, который не чувствовалъ природы и отвращался отъ жизни, одинъ въ исторіи сохранилъ чистоту свою, никогда не переставалъ быть только дыханіемъ Божества. Никакія мысли и никакія желанія не развлекали его, одно Божество было предметомъ его вѣчной и неутолимой жажды. „Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!“ говоритъ Давидъ въ одномъ изъ своихъ псалмовъ (XLI). Эта потребность

Божества, вѣчная въ семитахъ, и особенно еврейхъ, была прекрасно выражена бл. Августиномъ, когда, не нашедши успокоенія въ человѣческой мудрости, онъ обратился къ христіанству: „Боже, Ты создалъ насъ для Себя, и наше сердце не найдетъ покоя, пока оно не успокоится въ Тебѣ“. Какъ бы въ отвѣтъ на эти постоянныя исканія, какъ бы удовлетворяя этой неумолкающей жаднѣ, еврейскому народу и дано было Откровеніе. Онъ одинъ въ исторіи и искалъ его, и былъ достоинъ воспринять—именно потому, что душа его не запятнана была земными помыслами и заботами, въ которые такъ безраздѣльно погрузилась душа арійца.

Различное отношеніе этихъ двухъ племенъ къ Отровенію, которое мы старались объяснить выше, очень рельефно было высказано нѣмецкимъ ученымъ Грау. Примѣняясь къ словамъ и образамъ Библіи, гдѣ еврейскій народъ часто называется избранною невѣстою Бога, онъ говоритъ: „если мы представимъ семитическую и арійскую группы народовъ въ видѣ двухъ дѣвъ, изъ которыхъ Богъ долженъ избрать одну для союза съ Собою въ святой любви, то, конечно, арійская дѣва можетъ хвалиться многими преимуществами, которыхъ не имѣетъ семитическая дѣва. Она можетъ сослаться на украшенія и сокровища, которыя она приобрѣла черезъ свое господство надъ міромъ, на богатство фантазій, проявившееся во всѣхъ искусствахъ, на мудрость и глубокія позна-